

На старом и спокойном лице императора не отражалось ни единой эмоции. Спустя долгое время он протянул руку, и Цзи Фу поспешно поддержал его.

— Начинаем утренний прием, — произнес Чжао Фу.

— Слушаюсь, — ответил Цзи Фу.

Тем временем в Академии экзаменов Шэнцзина второй день шел столичный экзамен; экзаменаторы на башне Минъюань поочередно сменяли друг друга, отправляясь на отдых. На другом же конце столицы, во Дворце Цычэнь императорского дворца Великой Сун, Чжао Фу холодно усмехнулся:

— В конце прошлого года сведения о налогах, доставленные из управы Гуанлин, не совпали с итоговыми цифрами, но ни один из моих дражайших подданных даже не соизволил доложить об этом! Вы все мои верные чиновники, подлинные честные слуги Великой Сун! Цзи Вэнцзи, Ван Цюань, что вы скажете в свое оправдание?!

«Бам!» — свиток с докладом грохнулся на пол и откатился невероятно точным движением. Словно повторяя сцену двухлетней давности, он замер прямо у ног Министра финансов Ван Чжэня.

Однако на этот раз государь бранил не его, а двух самых влиятельных канцлеров государства.

Цзи Вэнцзи и Ван Цюань одновременно сделали шаг вперед и склонились в глубоком поклоне.

— Взгляните! Посмотрите, что написано в этом докладе! — во гневе воскликнул Чжао Фу.

Ван Чжэнь нагнулся, поднял свиток и сначала передал его Левому канцлеру Цзи Вэнцзи. По мере чтения выражение лица Цзи Вэнцзи менялось; затем он передал документ Правому канцлеру Ван Цюаню.

— Ван Цзыфэн, зачитай вслух, что там написано! — велел Чжао Фу.

В Дворце Цычэнь некоторые сановники, глядя на стройную и благородную осанку Ван Чжэня, искренне сочувствовали ни в чем не повинному господину Вану. А тот, приняв доклад, ничем не выдал своих чувств и ровным, спокойным голосом зачитал:

— «Тридцатый год правления Кайпин. Помощник уездного начальника Цинь Хао из уезда Цзянду управы Гуанлин руководил проведением налоговой реформы в уезде. В четвертый день первого месяца за городом были найдены его останки, обглоданные дикими волками и брошенные без погребения...»

В зале поднялся шум среди чиновников.

Канцлер Цзи и Канцлер Ван, поняв, о чем говорится в докладе, в потрясении вскинули головы и уставились на императора.

— Читай дальше! — ледяным тоном бросил государь.

Ван Чжэнь сделал паузу и продолжил чтение.

Дочитав весь доклад до конца, Ван Чжэнь склонился и, держа свиток обеими руками, высоко поднял его над головой. Цзи Фу сошел с возвышения и забрал доклад обратно.

Взгляд Чжао Фу скользнул по рядам сановников. Голос его звучал обманчиво спокойно, словно затишье перед бурей:

— Мои дорогие министры, кто из вас объяснит мне, почему то, что произошло месяц назад, дошло до моих ушей только сегодня?

Примечание автора:

Ранее в чате я уже говорила читателям, что в нашей истории четыре прекрасных героя! Старина Ван и малыш Тан — двое из них, Су Вэньюнь — третий... Так что из «четверки Великой Сун» остался лишь один! Он появился еще в самом начале~ Угадаете, кто это?

P.S. Болею за старину Вана! Ван — неоспоримый лидер!

Одиннадцатого дня второго месяца тридцатого года Кайпин император Великой Сун Чжао Фу пришел в неописуемый гнев прямо на утреннем приеме и мгновенно отстранил от должностей правого заместителя Министра финансов Цинь Сы и помощника канцлера Чжао Цзина. Оба они ведали Финансовым приказом. Оказавшись одновременно уволенными и отправленными по домам в ожидании решения своей участи, они оставили Финансовый приказ без руководства.

На совете император без лишних церемоний сурово устроил нагоняй Левому канцлеру Цзи Вэнцзи и Правому канцлеру Ван Цюаню. Из двух отстраненных им чиновников один принадлежал к Фракции Вана, а другой был опорой сторонников Цзи, что ощутимо сбило спесь с обеих фракций.

На следующий день Чжао Фу приказал призвать нескольких доверенных лиц во Дворец Чуйгун.

Около восьми высших сановников стояли в зале Дворца Чуйгун, ожидая слова государя.

— Я думал, что восстановление Финансового приказа — дело благое и полезное, — заговорил Чжао Фу. — Но нынче мне докладывают, что мой Финансовый приказ сгнил до самого основания! Государев чиновник погибает насильственной смертью, его тело гниет в чистом поле, и никто не замолвит за него слова! Все лишь хладнокровно смотрели, как его плоть терзают дикие волки! Он был помощником уездного начальника, затем стал служить в Финансовом приказе. Он погиб из-за Финансового приказа. Так пусть хоть кто-то ответит мне: как именно он умер?!

Во Дворце Чуйгун царила гробовая тишина.

Управа Гуанлин в Цзяннани — это то самое место, что в будущем нарекут Янчжоу. Смерть какого-то помощника уездного начальника в одном из уездов, гибель какого-то мелкого чиновника седьмого ранга, казалось бы, не должна была вызывать столь громкого резонанса. Однако он был не просто незначительной сошкой — он был назначенным государем чиновником и к тому же напрямую связанным с Финансовым приказом, оказавшимся в самом центре бури.

Гнев Чжао Фу был вполне естественным и обоснованным. Он стремился быть мудрым правителем и не мог стерпеть подобного произвола у себя под носом.

Министр наказаний Гэн Шаоюнь сделал шаг вперед:

— Следует отправить людей в Цзяннань, чтобы облегчить заботы Его Величества, установить

истину и вернуть доброе имя погибшему.

— Кого отправить? — спросил Чжао Фу.

Гэн Шаоюнь на мгновение задумался и назвал несколько имен. Он предложил отправить левого заместителя Министра наказаний и прибавить к нему нескольких чиновников Судебного приказа. Подобный состав выглядел весьма разумно: в подобных случаях расследование обычно поручалось совместно Приказу наказаний и Судебному приказу, дабы они могли выяснить истину и при этом контролировать друг друга.

Левый канцлер Цзи Вэнцзи выступил вперед и произнес:

— Дело касается Финансового приказа, поэтому следует отправить еще одного чиновника из Финансового приказа.

Ван Цюань бросил взгляд на Цзи Вэнцзи, но промолчал.

Тогда Министр финансов Ван Чжэнь сделал шаг вперед:

— Подойдет Лю Сицзи, чиновник финансового отдела Финансового приказа.

Так и был утвержден состав императорской комиссии, отправляемой в Цзяннань.

Спустя несколько дней, когда указания дошли до назначенных чиновников и они уже собирали вещи для поездки в Цзяннань, Чжао Фу стоял на башне Террасы Восхождения к Бессмертным и взирал на город Шэнцзин. С наступлением ночи на башне поднялся сильный ветер, и главный евнух Цзи Фу, бережно держа соболью накидку, осторожно накинул ее на плечи государя.

— Ваше Величество, берегите себя, не простудитесь.

Чжао Фу уставился на погруженный во тьму императорский город и, нахмурившись, спросил:

— Тебе не кажется, что кого-то не хватает?

Цзи Фу поглядел на залитый лунным светом Шэнцзин, его глаза забегали, и он осторожно уточнил:

— Ваше Величество считает, что кого-то не хватает?

— Тех двоих в управу Гуанлин да Лю Сицзи... Было бы надежнее отправить еще кого-нибудь, — о чем-то задумавшись, Чжао Фу вдруг озарился: — А куда делся Тан Цзинцзэ?

Цзи Фу мысленно проклял все на свете: Чжао Фу переходит все границы! Смотрит на темный Шэнцзин, а думает о чертовых вещах за тридевять земель! Откуда ему было знать, что император ведет речь об императорских посланцах в Цзяннань? Он-то решил, что разговор о самом городе Шэнцзине! Говорят, быть подле государя — всё равно что жить с тигром. А у него, Цзи Фу, судьба еще паршивее: он прислуживает самому владыке преисподней!

Натянув на лицо улыбку, Цзи Фу пролепетал:

— Раз Его Величество соскучился по господину Тану, не приказать ли завтра призвать господина Тана во Дворец Чуйгун?

Чжао Фу кивнул.

На следующий день Чжао Фу и впрямь отправил слугу во Дворец Циньчжэн отыскать Тан Шэня. Однако вернувшийся евнух ошеломил его докладом:

— Докладываю Его Величеству, господин Тан сейчас находится в Академии экзаменов Шэнцзина, он служит заместителем главного экзаменатора на этом столичном экзамене.

Чжао Фу обомлел.

Спустя секунду он повернулся к Цзи Фу:

— Разве Тан Цзинцзэ не всего три года как получил звание Таньхуа? И уже дорос до заместителя главного экзаменатора?

Чжао Фу велел разузнать детали и выяснил, что Тан Шэня на экзамен направил Сюй Би. Но разве можно было скрыть от государя правду? Подослав людей выведать подоплеку, Чжао Фу узнал, что на самом деле Тан Шэня перевел Ученый Чжоу Цзинь из Академии Ханьлинь.

— Этот старый лис Чжоу Цзинь не стал бы возиться с подобными мелочами. Здесь наверняка не обошлось без Фу Сижу. Ах да Фу Сижу, твой ученик на службе всего три года, а ты уже сгораешь от нетерпения продвинуть его и доверить столь важное дело? — хоть он и ворчал, на его губах играла улыбка.

Фу Вэй целыми днями отсиживался дома, поливая цветы и тешась птицами, делая вид, будто ему нет дела до земной суеты. Но то, что он внезапно устроил ученику покровительство и засунул Тан Шэня на столичный экзамен ради «позолоты», принесло Чжао Фу лишь облегчение.

«Выходит, и ты, Фу Вэй, не лишен личной выгоды!»

Раз уж Тан Шэнь застрял в Академии экзаменов Шэнцзина и не мог ее покинуть, Чжао Фу оставил мысль отрядить его в Цзяннань.

Стоя на башне Минъюань, Тан Шэнь даже не подозревал, что чуть было вновь не оказался брошен императором в самое пекло.

Девятнадцатого февраля закончились все три тура столичного экзамена.

Кандидаты-цзюйжэни покинули экзаменационные помещения, однако экзаменаторы еще не приступили к проверке. В первые три дня несколько тысяч сюцаев переписывали работы от руки, после чего скрывали имена кандидатов запечатыванием и передавали свитки в палату проверки. Лишь тогда Тан Шэнь и остальные принялись за работу. К концу второго месяца проверка свыше десяти тысяч работ была завершена.

Когда Министр чинов Шэнь Юнь объявил тройку победителей этого столичного экзамена, экзаменаторы наконец смогли вздохнуть с облегчением.

И именно в этот момент пред глазами экзаменаторов во всей полноте предстала буря, охватившая весь Шэнцзин.